

hello
bye

mommy
dadda

Why?

YES

NO

What?

Where's the...

Dog Ball

Язык в науковом Культуре

ЛИНГВИСТИКА

Многим из когда-то революционных открытий Ноама Хомского в лингвистике, в том числе и концепции того, как мы осваиваем языки, сейчас приходится потесниться

Пол Ибботсон и Майкл Томаселло

На протяжении почти полувека в лингвистике господствовала знаменитая идея профессора Массачусетского технологического института Ноама Хомского о том, что наш мозг осваивает грамматику по неким заложенным в нем с рождения ментальным шаблонам. В последнее время, однако, ученые-когнитивисты и лингвисты один за другим отказываются от теории универсальной грамматики Хомского, после того как ряд новейших исследований различных языков, в том числе изучение способов, которыми маленькие дети обучаются понимать свой родной язык и говорить на нем, доказали несостоятельность его концепции.

В этих исследованиях выражена принципиально иная точка зрения, согласно которой усваивать свой первый язык ребенку помогает не врожденный грамматический модуль, а самые разные механизмы мышления, которые могут быть вообще не связаны с языком, — такие, например, как способность распределять объекты и явления окружающего мира по категориям (люди, предметы и т.д.)

и понимать, как они связаны друг с другом. Благодаря этим способностям в сочетании с уникальным человеческим умением улавливать коммуникативное намерение собеседника закладываются первые языковые навыки. Результаты последних исследований явно указывают на то, что истинное понимание того, как дети (и не только они) усваивают языки, лежит за пределами теории Хомского.

ОБ АВТОРАХ

Пол Ибботсон (Paul Ibbotson) — преподаватель британского Открытого университета.

Майкл Томаселло (Michael Tomasello) — содиректор Института эволюционной антропологии Общества Макса Планка в Лейпциге. В этом году опубликована его книга «Естественная история человеческой морали» (*A Natural History of Human Morality*).

Важность этого вывода подкрепляется тем, что изучение человеческого языка играет ключевую роль во множестве дисциплин — от поэзии до искусственного интеллекта — и, собственно, в самой лингвистике, а неправильно подобранные методы приводят к сомнительным результатам. Скажем больше: в том, как человек использует язык, он уникален по сравнению со всеми остальными живыми существами, соответственно, если нам удастся постичь, что такое язык, мы поймем чуть больше о человеческой природе как таковой.

Первая версия теории Хомского, выдвинутая им в середине XX в., вполне соответствовала духу своего времени вследствие ее очевидной связи с двумя зарождающимися тенденциями интеллектуальной жизни Запада. Хомский утверждал, что языки, которыми люди пользуются для общения в повседневной жизни, в основе своей ведут себя так же, как и построенные на математических алгоритмах языки программирования, применяемые в юной на тот момент отрасли — информатике. Задав целью отыскать в основе человеческого языка алгоритмическую структуру, он предложил гипотезу о существовании определенной системы действий, при помощи которой можно создавать «хорошо сформированные» предложения. Революционность идеи заключалась в предположении, что человеческий мозг с рождения оснащен программой, подобной компьютерной, которая может производить предложения, отвечающие всем законам «живой» грамматики, причем эта программа, возможно, дает ключ к пониманию того, каким способом человек складывает слова в предложения. Подобная манера рассуждений о языке была

весьма созвучна стремлению многих ученых применить компьютерный подход к чему угодно.

Развивая свои «компьютерные» теории, Хомский одновременно высказывал гипотезу о том, что они обусловлены биологически. Во второй половине XX в. становилось все более очевидным, что многими аспектами нашей уникальной психологии мы обязаны нашей неповторимой эволюционной истории, и размышления Хомского хорошо резонировали с этими прозрениями. Хомский позиционировал свою универсальную грамматику как врожденный, существующий как данность компонент человеческого разума, изучение которого сулило обнаружить глубинную биологическую основу более чем 6 тыс. языков мира. Наиболее мощные (и, безусловно, самые красивые) научные теории — это теории, которые выявляют единство явлений, скрытое под их поверхностным разнообразием, поэтому концепция универсальной грамматики немедленно привлекла к себе внимание.

Но теория Хомского не выдержала проверку временем и уже многие годы последовательно сдает позиции. При этом умирает она очень медленно, потому что, как однажды заметил Макс Планк, отжившие свое ученые склонны цепляться за изжившие себя методы: «Наука продвигается вперед со скоростью одних похорон за раз».

Что было в начале

В своих первоначальных воплощениях универсальная грамматика в 1960-х гг. отталкивалась от базовой структуры так называемых языков средневропейского стандарта (СЕС), то есть языков, на которых говорят большинство работающих

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

- Ноам Хомский, светило мировой лингвистики на протяжении десятилетий, предложил революционную теорию об универсальной грамматике.
- Теория Хомского о том, что человеческий мозг осваивает грамматику по неким заложенным в нем с рождения ментальным шаблонам, расходится с данными эмпирических исследований и не раз подвергалась за это критике.
- Хомский неоднократно пересматривал свою теорию, чтобы интегрировать в нее отклонения от исходных постулатов, тем самым подрывая амбициозно заложенные им же самим основы.
- Альтернативы универсальной грамматике отводят ведущую роль в усвоении языка детьми общим познавательным способностям ребенка и его умению «считывать» намерения окружающих.

над ними лингвистов. Таким образом, универсальная грамматическая программа строилась на основополагающих фрагментах языка: именных («хорошие собаки») и глагольных («любят кошек») группах.

Довольно скоро, однако, один за другим начали появляться результаты лингвистических сравнений между самыми разными языками, которые явно выбивались из этой гладкой схемы. В некоторых языках австралийских аборигенов, например в языке вальбири, грамматические элементы разбросаны по всему предложению: именные и глагольные группы не имеют привычной «упаковки», в которой их можно было бы внедрить в универсальную грамматику Хомского, а в некоторых фразах глагольного элемента нет вообще.

Эти так называемые аномалии никак не увязывались с универсальной грамматикой, построенной на примерах из европейских языков. Вскоре появились и другие исключения из теории Хомского, обнаруженные в ходе исследования эргативных языков, таких, например, как язык басков или урду, в которых характеристики субъекта предложения сильно отличаются от характеристик субъекта предложения в европейских языках, что опять-таки не стыковалось с идеей универсальной грамматики Хомского.

Эти открытия вкупе с результатами теоретических лингвистических исследований в 1980-х гг. привели Хомского и его последователей к пересмотру понятия универсальной грамматики. На смену единой универсальной грамматике для всех мировых языков пришла новая теория — принципов и параметров с ее набором «универсальных» принципов, задающих структуру языка, причем в каждом конкретном языке эти принципы проявляют себя по-разному. Можно провести аналогию с тем, что мы все рождаемся с базовым набором вкусовых ощущений (сладкое, кислое, горькое, соленое и умами); из сложного переплетения этих базовых вкусов с культурными, историческими и географическими особенностями разных регионов мира рождаются национальные кухни. Принципы и параметры Хомского представляют собой лингвистическую аналогию вкусам: под влиянием культурных особенностей региона (в зависимости от того, какой язык предстоит усвоить ребенку — японский или английский) они складываются в уникальную языковую картину мира и в целом определяют набор всех «возможных» человеческих языков.

Так, испанский язык позволяет формировать грамматически правильные предложения без выделения субъекта, например, *Tengo zapatos* («У меня есть [дословно: «я имею»] туфли»), где обладатель туфель определяется не при помощи отдельного слова «я», а через окончание глагола -o. Хомский утверждал, что, несколько раз столкнувшись с подобными предложениями, мозг ребенка усваивает, что субъект в предложении следует

опускать, и переводит соответствующий рычаг в положение «вкл». Теперь ребенок будет знать, что и в других предложениях субъект можно опускать.

Предполагалось, что параметр «опускания субъекта» также определяет и другие структурные особенности языка. Сформулированное новой теорией понятие универсальных принципов довольно хорошо описывает структуру многих европейских языков, однако данные исследований неевропейских языков вступали с ним в конфликт и любая попытка идентифицировать в таких языках универсальные параметры, такие, например, как «опускание субъекта», приводила к необходимости отказа от второго воплощения универсальной грамматики из-за ее несоответствия реальности при ближайшем рассмотрении.

Затем последовала нашумевшая статья Хомского и соавторов в журнале *Science* в 2002 г. В этой статье они описали универсальную грамматику, которая строится на одном-единственном принципе — рекурсии (хотя многие сторонники универсальной грамматики до сих пор предпочитают утверждать, что существует множество универсальных принципов и параметров). Пересмотренная концепция предлагала алгоритм, который позволяет из ограниченного количества слов и правил создавать неограниченное количество предложений.

Рекурсия открывает бесконечные возможности конструирования предложений путем встраивания друг в друга структурно одинаковых синтагм. Например, в английском языке дополнительную синтагму можно присоединить справа от аналогичной фразы: *John hopes Mary knows Peter is lying* («Джон надеется, что Мэри знает, что Питер врет») или вставить в середину предложения: *The dog that the cat that the boy saw chased barked* («Собака, которая погналась за кошкой, которую видел мальчик, залаяла»). В теории синтагмы можно нанизывать бесконечно. На практике же такое нагромождение, как в последнем примере, затрудняет восприятие. Объясняя это затруднение, Хомский утверждал, что дело не в языке как таковом, а в ограниченных способностях человеческой памяти. Более того, Хомский предположил, что именно рекурсивность отличает процесс усвоения человеческого языка от других когнитивных процессов, таких, например, как категоризация и установление взаимосвязей между объектами и понятиями. А не так давно им была высказана гипотеза о том, что способность к освоению языка при помощи рекурсии возникла в результате генетической мутации где-то 50–100 тыс. лет назад.

При этом, как бывало и раньше, сталкиваясь с многообразием языков мира на практике, лингвисты находили примеры, опровергающие утверждение об основополагающей роли рекурсии в языке. Некоторые языки, например язык

амазонских индейцев пираха, прекрасно обходятся без рекурсии Хомского.

Как и все лингвистические теории, универсальная грамматика Хомского творит чудеса эквилибристики в попытке удержать равновесие. Всякая теория должна быть в достаточной степени простой, чтобы наперед объяснять то, что в нее саму не входит (иначе она окажется всего лишь перечислением фактов), но при этом она не должна быть простой настолько, чтобы не быть в состоянии объяснить вещи, которые она призвана объяснить. Возьмем, скажем, утверждение Хомского о том, что во всех языках мира предложения имеют субъект. Проблема в том, что понятие «субъекта» — это скорее некий набор «семейных черт», нежели конкретная категория. Характеристики субъекта определяют более 30 различных грамматических признаков. Разные языки пользуются разными наборами таких признаков, и совпадения крайне редки.

Хомский пытался определить базовый «набор инструментов» языка — те ментальные механизмы, которые отвечают за проявление речевых навыков у человека. При обнаружении расхождений с действительностью некоторые сторонники Хомского заявляли, что отсутствие в определенном языке какого-либо инструмента, например рекурсии, совсем не означает, что этот инструмент отсутствует в базовом наборе. Ведь не означает же отсутствие в культуре соли для сдабривания пищи, что у представителей этой культуры в наборе возможных вкусовых ощущений отсутствует соленый вкус. Однако подобная аргументация затрудняет практическую проверку гипотез Хомского и местами делает их недоказуемыми.

Предвестие конца

Теории Хомского обнаруживают свои главные недостатки, когда с их помощью пытаются объяснить процесс усвоения языка. Предполагается, что у маленьких детей способностью формулировать предложения посредством абстрактных грамматических правил заложена с рождения (за конкретными правилами надо обращаться к вариациям теории). Однако многочисленные исследования доказывают, что маленький человек усваивает свой первый язык иначе: дети начинают с освоения простых грамматических схем, а затем постепенно, шаг за шагом, постигают стоящие за этими схемами правила.

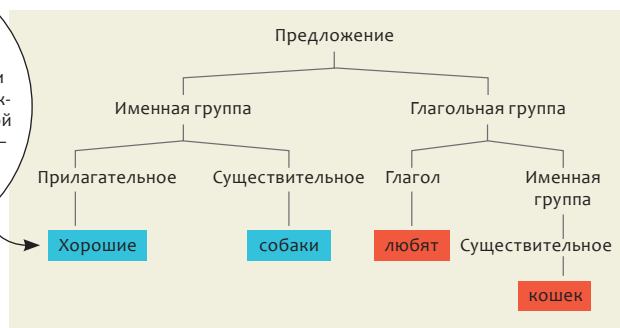
«Ноаменклатура» и новая лингвистика

Ноам Хомский покори лингвистическое сообщество своей теорией более полувек назад. Суть теории была проста: язык — это производная данных маленькому человеку с рождения грамматических правил, которые активируются, когда приходит время складывать слова в предложения. Хомский взял на себя труд дать определение этим правилам и вскрыть принципы их функционирования. Без этой «универсальной грамматики», считал он, ребенок не способен освоить какой бы то ни было язык. Но время не стоит на месте, и теорию Хомского уже теснят новые гипотезы, согласно которым дети усваивают язык, распознавая в речи окружающих определенные типовые структуры.

Универсальная грамматика Хомского

Хомский утверждал, что дети с рождения наделены знанием правил для составления и трансформации словосочетаний («хорошие собаки» и «хорошие собаки любят кошек»). Эти правила он и назвал универсальной грамматикой. За время своего существования теория не раз дорабатывалась, но суть ее всегда оставалась прежней: каждый ребенок обладает врожденной способностью к формированию правильных грамматических конструкций.

По мысли Хомского, благодаря врожденному механизму схематизации слова в речи ребенка сами встают на нужные места в грамматической конструкции: «хорошие» — прилагательное, «собаки» — существительное.

Узуальная теория усвоения языка

Заставляя универсальную грамматику потесниться, новейшие подходы в лингвистике и психологии выводят на первый план естественную способность детей интуитивно угадывать намерения других людей в сочетании с мощными механизмами научения, работающими в развивающемся мозге. Воспринимая на слух речь окружающих, ребенок усваивает стандартные схемы построения фраз и предложений. Так, после «собака просит» можно поставить как «еду», так и «мяч». Эмпирические исследования доказывают, что эта теория действительно способна пролить некоторый свет на то, как двух- и трехлетние дети осваивают язык.

Так, первые предложения маленьких детей — это исключительно простые грамматические конструкции, составленные по определенным шаблонам: «Где Z?», «Я хочу Z», «Еще Z», «Это Z», «Я Z-ю это», «Положи Z здесь», «Мама Z-ет это», «Давай Z-ем это», «Кидай Z», «Z нет», «Мама Z-т», «Садись на Z», «Открой Z», «Z тут», «Вот Z», «Z сломался». Впоследствии дети объединяют эти простые схемы в более сложные: «Где Z, который мама Z-ла?»

Такая характеристика раннего языкового развития у детей принимается многими сторонниками универсальной грамматики без возражений. Однако далее они утверждают, что переход к более сложным конструкциям — это не что иное, как созревание когнитивной способности, опирающейся на универсальную грамматику и ее абстрактные грамматические категории и принципы.

Так, универсальная грамматика в большинстве своих воплощений утверждает, что ребенок формулирует вопрос в соответствии с определенными правилами использования грамматических категорий: «Что (объект) ты (субъект) потерял (глагол)?». Ответ: «Я (субъект) потерял (глагол) то-то (объект)». Если это утверждение верно, то в определенный период развития дети, осваивающие английский язык, должны допускать одинаковые ошибки во всех специальных вопросах, начинающихся с вопросительных слов на *wh-*. Однако реальные ошибки детей не подтверждают эту гипотезу. На ранних этапах развития дети часто неправильно представляют слова в вопросительных предложениях: *Why he can't come?* вместо *Why can't he come?* («Почему он не может прийти?»), но в то же время, путая места *he* и *can't*, они правильно формулируют другие специальные вопросы с вопросительными словами на *wh-* и правильно используют вспомогательные глаголы: *What does he want?* («Что он хочет?»)

Экспериментальные исследования в английском языке подтверждают, что дети, как правило, не делают ошибок в вопросительных предложениях, в которых встречаются определенные сочетания слов на *wh-* и вспомогательных глаголов (обычно это сочетания, которые им очень хорошо знакомы, например, *What does...*), при этом они продолжают делать ошибки в вопросительных предложениях с другими (не так хорошо знакомыми им) комбинациями: *Why he can't come?*

Сторонники универсальной грамматики парируют, что свободное владение грамматикой заложено в каждом ребенке с рождения, но разные факторы, такие как недостаточно развитые память, внимание и социальные навыки, мешают детям ее применять, искажая ее подлинную природу, что встает препятствием на пути изучения «чистой» грамматики, проповедуемой лингвистикой Хомского.

Однако существуют и другие интерпретации детского поведения. Есть предположение, что дело совсем не в том, что память, внимание и социальные

навыки мешают проявлению грамматики, а в том, что они же выступают важнейшими факторами построения языка. Недавно проводилось исследование, где один из нас (Пол Ибботсон) выступил соавтором, и оно показало, что способность ребенка вспомнить правильную форму прошедшего времени неправильного глагола, например: *Every day I fly, yesterday I flew* (не *flyed*) («Я летаю каждый день, я вчера летал»), напрямую зависит от его способности сдержать запрашивающий ответ, нарушающий правила грамматики (такое же усилие требуется, когда нужно сказать слово «луна», глядя на изображение солнца). Получается, что память, умение проводить аналогии, внимание и оценка социальных ситуаций не то чтобы мешают ребенку реализовывать врожденный навык «чистой» грамматики Хомского — они скорее оказываются решающими факторами в реализации языка по тем законам, которые мы наблюдаем в жизни.

Как и в случае аргументации против данных кросс-лингвистических исследований и в защиту существования базового набора инструментов в человеческом языке, гипотеза о том, что собственные недоразвитые навыки мешают ребенку проявлять его врожденные способности, недоказуема. Это признак агонии угасающих научных парадигм, которым недостает прочной эмпирической основы: такими были в свое время фрейдистская психология и марксистская теория исторического развития.

Даже если не принимать в расчет ставящие универсальную грамматику под сомнение эмпирические факты, психолингвистам, работающим с детьми, трудно даже в теории представить себе феномен, когда дети рождаются с готовым набором одних и тех же абстрактных грамматических правил для всех языков и потом постигают, как их родной язык, будь то английский или суахили, укладывается в эту схему. Лингвисты называют этот парадокс проблемой связи (*между врожденной универсальной грамматикой и проявлениями живого языка. — Примеч. пер.*). Одна из немногочисленных попыток разрешить этот парадокс в отношении субъектов предложений была предпринята психологом Гарвардского университета Стивеном Пинкером (Steven Pinker), однако его выводы не сошлись с данными исследований развития детей, а также оказались неприменимыми к другим, помимо субъекта, грамматическим категориям. Таким образом, проблема связи — краеугольный вопрос в применении универсальной грамматики к усвоению языка — до сих пор не решена и еще ни разу никем серьезно не оспаривалась.

Альтернативный взгляд

Сам собой напрашивается вывод, что понятие универсальной грамматики в корне неверно. Разумеется, невозможно, даже перед лицом противоречивых

доказательств, заставить ученого отказаться от своей любимой теории, пока не появится разумная альтернатива. И такая альтернатива, названная «узуальная теория усвоения языка», наконец появилась. Эта теория, принимая множество форм, полагает, что грамматическая структура языка — это не врожденная черта человеческого познания. Наоборот, грамматика представляет собой производную исторических процессов (тех самых, которые отвечают за передачу языков от поколения к поколению) и человеческой психологии (социальных и когнитивных способностей, позволяющих новому поколению усваивать родной язык). Более того, согласно этой теории, в процессе усвоения языка задействуются системы мозга, изначально для этой цели не предназначенные, что опровергает утверждение Хомского о генетической мутации, сформировавшей способность к рекурсии.

Сочетая в себе положения из функциональной лингвистики, когнитивной лингвистики и конструктивной грамматики, узальная теория усвоения языка гласит, что врожденного универсального инструмента, специально предназначенного для освоения грамматики, не существует. Вместо этого ребенок наследует от предыдущих поколений ментальный эквивалент многофункционального складного ножа: набор инструментов широкого спектра применения, таких, например, как категоризация, построение аналогий, способность «считать» коммуникативную интенцию говорящего, — которые помогают ему реконструировать грамматические категории и правила из языка, который они слышат вокруг себя.

Так, ребенку, осваивающему английский язык, понятно предложение «Кошка съела кролика», и точно так же ему понятно предложение «Коза пощекотала фею». Дети слышат одинаковые по структуре фразы и проводят между ними аналогии. После достаточного количества примеров такого рода они даже смогут угадать, кто что кому сделал во фразе «Куздря будланула бокра», несмотря на то что в ней начисто отсутствует смысл. То есть ребенок «угадывает» грамматику за структурой слов в предложении, и неважно, что на словарном уровне между этими предложениями мало общего.

Смысловое содержание в языке — это результат взаимодействия потенциального значения самих слов (например, всех возможных значений слова «съел») и значения грамматической конструкции, в которую эти слова вставлены. Так, глагол «чихать» в словаре представлен как непереходный, не присоединяющий дополнений. Но если его намеренно вставить в двухобъектную конструкцию, которая позволяет глаголу иметь при себе одновременно прямое и косвенное дополнение, получится фраза «Оначихнула емусалфетку», в которой сказуемое «чихнула» означает действие перемещения

предмета (то есть она совершила действие, посредством которого салфетка перешла к нему). Этот пример доказывает, что грамматическая структура предложения играет не меньшую роль в формировании смысла высказывания, чем слова. Вспомните теперь утверждение Хомского о том, что существуют уровни грамматики, начисто лишенные смысла.

Концепция многофункционального складного ножа также позволяет объяснить процесс усвоения языка без помощи двух обязательных с точки зрения универсальной грамматики феноменов: набора абстрактных правил сочетания символов (так называемой фундаментальной грамматики, «защитой» в человеческом мозге) и так называемого лексикона — перечня исключений, которые призваны интегрировать в теорию Хомского все идиоматические выражения и специфические особенности естественных человеческих языков. Проблема с этими двумя феноменами состоит в том, что не все правильные грамматические конструкции строятся по правилам. Например: *Him a presidential candidate?!* («Он — в президент?!»). В этой фразе субъект *him* принимает форму прямого объекта, и члены предложения стоят в неправильном порядке. Носитель английского языка может сгенерировать бесконечное количество предложений по тому же принципу: *Her go to ballet?!* («Она — на балет?!») или *That guy a doctor?!* («Этот человек — врач?!»). Возникает справедливый вопрос: куда отнести такие высказывания — к фундаментальной грамматике или к исключениям? Если они выпадают из фундаментальной грамматики, значит каждое из них надо заучивать отдельно. Но раз уж дети способны освоить такие пограничные конструкции, что мешает им таким же образом освоить весь язык? Иными словами, зачем им вообще нужна универсальная грамматика?

Интересно еще то, что идея о существовании универсальной грамматики противоречит доказательствам того, что дети усваивают язык в процессе социальных взаимодействий и постепенно совершенствуют свои языковые навыки, осваивая конструкции предложений, исторически сложившиеся в языковых сообществах. В некоторых случаях удается проследить, как это происходит. Возьмем, например, достаточно распространенные во многих языках относительные придаточные предложения, которые образуются путем присоединения одного предложения к другому. Так, мы могли бы сказать: «Мой брат... Он живет в Арканзасе... Он любит играть на пианино». Благодаря различным когнитивным механизмам (схематизации, привыканию, деконтекстуализации и автоматизации) подобные фразы за многие века эволюционировали в более сложную конструкцию: «Мой брат, который живет в Арканзасе, любит играть на пианино». Эти же механизмы

постепенно трансформировали предложения типа: «Я потянула дверь, и она захлопнулась» в «Я захлопнула дверь».

Кроме того, человек наделен уникальной способностью расшифровывать коммуникативные намерения других людей, то есть угадывать, что говорящий имеет в виду. Например, я могу сказать: «Она подарила/завещала/передала/одолжила/продала библиотеке несколько книг», но не «Она отнесла библиотеке несколько книг». Новейшие исследования показали, что существуют механизмы, которые позволяют ребенку избегать неадекватных аналогий и не строить аналогии, лишённые смысла. Ребенку никогда не придет в голову сказать: «Она съела библиотеке несколько книг». Вдобавок к этому, если дети достаточно часто слышат: «Она отнесла в библиотеку несколько книг», они смогут устоять перед тем, чтобы сказать неправильно: «Она отнесла библиотеке несколько книг».

Благодаря таким ограничительным механизмам ребенок учится из бесконечного числа возможных аналогий строить только те, которые могут помочь понять коммуникативные намерения окружающих. Это и есть «считывание» намерений. Мы все пользуемся этой тактикой, когда воспринимаем вопрос: «Вы не могли бы открыть мне дверь?» как просьбу, а не желание осведомиться о наших способностях в открывании дверей.

Эта «прагматика» — то, как мы используем язык в контексте, — присутствует и в общей теории функционирования языка Хомского. С учетом того, что язык — явление крайне неоднозначное, у Хомского не оставалось другого выхода. Однако он отводил прагматике второстепенную роль, утверждая, что языком заправляет грамматика. Узуальная теория освоения языка в некотором смысле заново расставляет акценты и ставит вопрос о том, какой объем языка позволяет освоить прагматика, прежде чем говорящему придется прибегнуть к правилам синтаксиса.

Узуальные теории еще далеки от того, чтобы дать всеобъемлющее объяснение принципов функционирования языка. Процесс конструирования детьми предложений не может быть сведен только лишь к осмысленным обобщениям, которые дети делают на основе услышанных ими в устной речи предложений и словосочетаний, потому что можно сформулировать бесчисленное множество вполне осмысленных обобщений, которые будут при этом грамматически неправильными (например, «Он исчез кролика»). Практические исследования показывают, что такие ошибки дети делают не столь часто, как могли бы. Возможно, все дело в чувствительности ребенка к тому, что языковая общность, к которой он принадлежит, подчиняется определенным нормам, согласно которым все говорят «вот так». При этом детская речь всегда балансирует на тонкой грани между творческой изобретательностью

(«Я спю») и грамматической правильностью («Я сплю»). Сторонникам узуальной теории еще предстоит огромная работа, чтобы объяснить, как в раннем детстве взаимодействуют различные факторы и как через это взаимодействие выстраивается процесс усвоения языка маленьким ребенком.

Взгляд вперед

Парадигма Хомского в свое время стала радикальным отрывом от превалировавших тогда более неформальных теорий. Она впервые обратилась к сложной специфике когнитивных процессов, участвующих в освоении навыка понимания языка и говорения на нем. Но бывают такие теории (и теория Хомского не исключение), которые, проливая свет на некоторые важные вещи, одновременно затевают другие, не менее важные. Не только в лингвистике, но и в смежных с ней областях науки все чаще слышатся вздохи разочарования по поводу слишком формализованного подхода к языку, который навязывает универсальная грамматика, не говоря уже об эмпирической несостоятельности теории. Кроме того, многие современные исследователи не желают довольствоваться сухим и оторванным от реальности теоретическим анализом, учитывая, что существуют богатейшие корпуса лингвистических данных (причем многие из них уже доступны онлайн), которые можно проанализировать, чтобы подвергнуть тезисы теории проверке.

Безусловно, сдвиг парадигмы еще не осуществлен до конца, однако многие уже называют это глотком свежего воздуха в лингвистике. Ученым открылись новые возможности исследования языков мира: в чем они похожи, в чем различаются, как они менялись с течением времени и как маленькие дети осваивают родной и остальные языки.

А универсальная грамматика, похоже, доживает свои последние дни. Ей на смену приходит новая концепция — узуальная теория освоения языка, — прокладывая путь новейшим эмпирическим погружениям в тайны освоения, использования и исторического развития более чем 6 тыс. языков мира. ■

Перевод: А.С. Григорьева

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Стикс Г. Наша изюминка // ВМН, № 11, 2014.
- Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition. Michael Tomasello. Harvard University Press, 2003.
- Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language. Adele Goldberg. Oxford University Press, 2006.
- Language, Usage and Cognition. Joan Bybee. Cambridge University Press, 2010.